

НАТАЛИ
ЛОУРЕНС

Фантастические
ТВАРИ
нашего
ПОДСОЗНАНИЯ

*Как монстры помогли
нам стать людьми*

Натали Лоуренс
Фантастические твари нашего
подсознания. Как монстры
помогли нам стать людьми
Серия «Популярная психология
для бизнеса и жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74228666

*Фантастические твари нашего подсознания. Как монстры помогли нам стать людьми: КоЛибри, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34431-0*

Аннотация

Для всех, кто когда-либо боялся темноты и задумывался, почему мы с таким упоением смотрим фильмы ужасов и пересказываем древние сказания о драконах. Монстры всегда были с нами, потому что они – это мы сами. Или, точнее, то, чем мы отказываемся себя считать...

Опираясь на обширный материал – от «Эпоса о Гильгамеше» и «Беовульфа» до психоанализа и эволюционной биологии, – историк Натали Лоуренс исследует знаковые образы. Рогатый шаман, вендиго, ехидна, дракон, динозавр, минотавр и Медуза Горгона предстают не просто персонажами страшилок, а

архетипами, через которые мы учились справляться с хаосом, определять границы «своего» и «чужого» и договариваться со «зверем» внутри. Мы узнаем, как менялось восприятие монстров с развитием науки: почему в XVII веке ученые принимали чучела панголинов за дьяволов, когда женщин-богинь плодородия начали ассоциировать со змеями и как дикий Грендель из древнеанглийского эпоса превратился в экологического стража в современной литературе. Автор показывает, как воображение помогает человечеству справляться с ужасами реальности. От первобытного страха перед дикой природой до ядерной бомбы – мы всегда представляем свои кошмары как нечто чешуйчатое и клыкастое.

«Фантастические твари нашего подсознания» – это глубокий антропологический и психологический анализ того, как страхи формируют культуру, общество и нас самих.

Содержание

Введение: Чудовища Творения

8

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Натали Лоуренс

Фантастические твари нашего подсознания. Как монстры помогли нам стать людьми

*Спасибо моим родителям за то, что вырастили
маленькое чудовище*

*...ибо всё в этом мире рождается из умов людей,
и как только люди становятся безумными, они
творяют безумных тварей¹.*

Роберт Холдсток, «Лавондисс»

*Мы видим вещи не такими, какие они есть, а
такими, какие мы есть².*

Анаис Нин, «Соблазнение минотавра»

Natalie Lawrence

ENCHANTED CREATURES:

Our Monsters And Their Meanings

Опубликовано с согласия David Higham Associates Limited
и The Van Lear Agency LLC

© Natalie Lawrence, 2024

© Кедрова М., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

КоЛибри®

Введение: Чудовища Творения

Мы остаемся как бы незавершенными, пока некто [...] не поможет нам^{3, 4}

Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей»

Вы когда-нибудь боялись чудовищ? Я имею в виду настоящий страх – тот, от которого учащается сердцебиение и покалывает затылок. Несмотря на то, что разум говорит: «Не глупи, там ничего нет». Держу пари, что боялись, хотя бы раз в жизни. Это могло быть какое-то длиннопалое существо, притаившееся под кроватью или выжидающее своего часа за дверцей шкафа. Это мог быть чешуйчатый хищник, извива-

³ Мэри Шелли. Франкенштейн, или Современный Прометей [пер. с англ. З. Александровой]. – М.: АСТ, 2015.

⁴ Цитата из «Франкенштейна» Мэри Шелли (1818), Письмо четвертое.

ющийся под водой и поглядывающий на ваши незащищенные лодыжки. Или ужасное существо из фильма, теперь сопровождающее вас домой из кинотеатра, прячущееся в темном углу. Мы все когда-то через это проходили: прыгали в кровать и прятались под одеялом, выходили в темный коридор и быстро включали свет после фильма ужасов – просто чтобы доказать себе, что *на самом деле* там ничего нет.

Со мной такое случилось. Когда мне было лет восемь, во время ночевки у друзей мы придумывали друг для друга страшные истории. Мы упивались острым ощущением страха, вызванного мелодраматическими развязками, произносимыми самыми зловещими голосами, на которые только способны маленькие девочки. Однажды ночью мы создали персонажа, ставшего нашим преследователем на долгие месяцы: волка с черными чернилами в жилах, который мог, как тень, проскользнуть в любую щель и сожрать человека прямо в постели. Кто-то придумал, что это существо живет в кустах в углу сада моей подруги. Это нас по-настоящему испугало. Мы несколько недель не спали из-за страха увидеть, как зверь, превратившись в чернила, проникает в наши спальни. Мы придумывали способы его одолеть. У всех чудовищ должна быть ахиллесова пята: от страха должно быть спасение. Против вампиров есть чеснок и колья, против оборотней – серебряные пули. А у Чернильного Волка в пятке была пробка, и, если ее вытащить, все чернила вытекут из него и он умрет – только бы успеть вовремя добраться до нее. Бла-

годаря этому плану мы немного успокоились, хотя существо все еще не выходило у нас из головы.

Если задуматься, то это странная фантазия. Своеобразная жизненная жидкость волка, вероятно, как-то связана с тем, что мы постоянно заправляли перьевые ручки, пока выполняли школьные задания. Вы, возможно, помните какие-то столь же неординарные «изобретения» из детства – чудовищ, которые ужасали в то время, но кажутся глупыми сейчас, с точки зрения взрослого. Однако одна из радостей детства заключается в том, что вам все равно, что думают другие. Ваш мир фантазий – только ваш; он может быть настолько странным и бессмысленным, насколько захочется. В этом и заключается смысл чудовищ. Они не должны быть приемлемыми. Они должны быть чем-то исключительным – нелепыми, отвратительными существами – и от этого еще более привлекательными. Чем страннее, тем лучше.

Несмотря на то, что чудовища вызывают отвращение, они очень живучи. Неосознанная свобода детства с возрастом может ускользнуть, а миры наших фантазий – исчезнуть, но чудовища остаются с нами. От мантикор и гидр древних миров до инопланетных Хищников и лицехватов из современных фильмов – наше воображение всегда создавало монстров, и мы всегда были ими очарованы. Люди палеолита рисовали странных гибридов на стенах пещер от Европы до Юго-Восточной Азии. Драконы появляются в разных обликах почти в каждой культуре. Фильмы о чудовищных суще-

ствах собирают сотни миллионов долларов в прокате. Монстры захватывали и продолжают захватывать человеческое воображение, что свидетельствует об их огромном значении.

Так что же такое *чудовище*? Дать определение не так-то просто. Чудовища по своей природе ему не поддаются. Они настолько же разнообразны и изменчивы, насколько может быть любая группа, объединенная общим названием. Они не имеют физических сходств или общего происхождения, которые мы обычно используем для формирования групп в природе, таких как камни, деревья или птицы. Они – неприглядные создания в далеких логовах, инопланетяне-паразиты, гигантские сгустки слизи, неудачные научные эксперименты. Слишком разношерстная компания, чтобы ее можно было описать одним словом.

На протяжении истории существовало множество определений чудовищам. Если обратиться к античному автору, такому как Плиний (I век н. э.), он бы отмахнулся от всего, что в Творении было причудливым или экстремальным. Святой Августин в IV веке мог бы сказать, что чудовища – это иррациональные нечеловеческие существа (он был совершенно уверен, что люди – существа рациональные). А вот ученый архиепископ VII века святой Исидор Севильский определял их как Божьи знамения, предсказывающие несчастья. Сегодня Оксфордский словарь английского языка (OED) предлагает несколько определений слова «чудовище», среди которых: «большое, уродливое и пугающее воображаемое су-

щество» и «нечеловечески жестокий или злой человек». Как одно слово может иметь так много значений? Как оно может описывать и человека, и нечеловека, и реальные, и нереальные вещи? Кроме того, не все чудовища большие или пугающие. Что же всех их связывает?⁵

У нас есть инстинктивное чувство, что такое чудовище, и мы можем подтвердить это с помощью мысленного эксперимента. Представьте большое хищное животное, например медведя гризли, что-то ужасающее и смертельно опасное, если подойти к нему слишком близко. Это чудовище? Большинство людей, вероятно, скажут, что нет. Гризли нужно что-то особенное, чтобы получить звание чудовища, что-то необычное, например гигантский размер, способность дышать огнем или новая неестественная часть тела – хвост скорпиона или орлиные крылья. Вы можете придумать своего медведя-мантикору. Сравните его с другим видом животных, например с глубоководным удильщиком и его адской зубастой гримасой и стеклянными глазами. Многие могут взглянуть на изображение такого животного и сказать, что оно подходит под определение чудовища, хотя при встрече оно не сможет вам ничего сделать. Это вопрос точки зрения. Гризли – знакомый зверь, ассоциирующийся с плюшевыми игрушками и детскими мультфильмами. Удильщик совсем не знаком – его ужасный вид шокирует и отталкивает. Он

⁵ Определения чудовищ из «Естественной истории» Плиния, «О граде Божьем» Аврелия Августина и «Этимологий» Святого Исидора соответственно.

кажется странным, почти сверхъестественным, словно выдуманным.

Можно сказать, что чудовищность в глазах смотрящего. Чтобы быть чудовищем, существо должно выходить за рамки привычной природы, каким-то образом обманывать наши ожидания. Вот почему мы думаем о чудовищах как о «больших, уродливых и воображаемых» – такие характеристики, как «гигантский», «жуткий» и «неестественный» действительно шокируют. Однако границы того, что «нормально» и «естественно», подвижны. Они зависят от нашего жизненного опыта и мировоззрения. Например, морской биолог мог бы поспорить, что удильщик – это чудовище. Одна из причин, почему существует так много чудовищ, заключается в том, что они рождались в разные эпохи и в разных культурах, как отражение самых разных человеческих мировоззрений.

Принцип этого механизма гораздо яснее виден в перспективе нескольких столетий. Во время работы над докторской диссертацией на кафедре истории и философии науки Кембриджского университета я отправилась на охоту за экзотическими монстрами раннего Нового времени, охватывающего период с XVI⁶ по XVIII век. На потрепанных страницах древних книг по естественной истории я нашла злобных чешуйчатых дьяволов, миниатюрных драконов, гигантских додо и моржей с сильными нарушениями сна⁷. Это были реаль-

⁶ По некоторым данным – с XV в. – *Прим. ред.*

⁷ Моржи способны бодрствовать до 84 часов, их сон в воде фрагментарен и

ные животные или рассказы путешественников о них, завезенные в Европу по торговым сетям, выходящим из европейских портов, таких как Амстердам и Антверпен, и опутывающим весь мир. Люди, описывавшие этих существ, превращали многих из них в чудовищ. Некоторые животные служили наглядным подтверждением того, что чудовища из древних мифов существуют на самом деле: например сморщенная кожа райской птицы могла принадлежать фениксу или падшему ангелу. Другие стали новыми причудливыми монстрами: клюв и бедренная кость додо свидетельствовали о том, что птица была настолько толстой, что не могла даже ходить, не говоря уже о полете. Чешуйчатые панголины превратились в дьявольских свиноплодов, а чтобы добыть шкуру моржа, нужно сразиться с ужасающими морскими исполинами.

Сейчас эти идеи кажутся нам нелепыми. Почему они превратили новых существ в чудовищ? Почему не посчитали их просто странными животными? Были ли люди, которые описывали их бредовыми? Нет. Вы не переплывете полмира на корабле и не напишете энциклопедии или философские трактаты, если будете легко во все верить и мыслить иррационально. Они мало что знали об этих новых существах, но старались логически осмыслить имевшиеся факты. Они пытались сопоставить новое со своим мировоззрением.

Эти диковинные создания не вписывались в традиционную картину мира. Они представляли собой таксономиче-

скую проблему для натуралистов – например додо или райская птица совершенно не соответствовали общепринятому пониманию птицы. Морж в итоге превратился в довольно посредственного кита, а панголин – в весьма странную ящерицу. По мере исследования и расширения мира появлялось все больше новых существ, не вписывающихся в привычные рамки. Они бросали вызов традиционному мировому порядку, закреплённому в классических текстах и Священном Писании. В результате натуралисты сопоставляли, что могли, с известными чудовищами, якобы обитавшими в далеких краях, – такими как грифоны и драконы. Других превращали в менее экстравагантных новых чудовищ. Эти существа, «выходящие за рамки природы», на самом деле и *не должны были* в них вписываться. Как мы увидим в седьмой главе, создание категории для странных чудищ давало некоторую передышку, чтобы решить, что с ними делать. Со временем люди выстроили новые структуры для организации мира. Устоявшаяся модель мироздания была изменена таким образом, чтобы комфортно включать этих зверей, которые, в конце концов, перестали быть чудовищами.

Изучая жизнь экзотических существ в Европе раннего Нового времени, я многое узнала о воображении европейцев той эпохи (но почти ничего о моржах и панголинах). Как мы увидим позже, созданные ими чудовища были продуктами пропитанного теологическим и магическим мышлением мировоззрения, которое сейчас кажется нам чуждым. Новые

существа, непохожие ни на что, с чем люди сталкивались ранее, казались чудовищами, а существование оных было для них *реальностью*. Это хороший пример сложных отношений между реальностью и нашим восприятием. Мы не машины по обработке данных, и то, с чем мы сталкиваемся во внешнем мире, взаимодействует с тем, что существует в нашем культурном сознании. Результаты этих взаимодействий могут многое рассказать о нас самих и о том, как работает наш разум. Подобно искусству или поэзии, чудовищные творения нашего воображения содержат истины.

Само слово «монстр» намекает на их способность к разоблачению. Оно происходит от латинского *monstrare* («демонстрировать») или *monere* («предупреждать»). По своей сути чудовища являются знаками и парадоксами: скрытые и загадочные с одной стороны, но показательные и важные – с другой. Это знаки из глубины, которые проявляются, чтобы раскрыть истину о наших внутренних мирах и о том, как мы справляемся с реальностью, – если мы осмелимся к ним присмотреться. Границы того, что мы сегодня считаем естественным и нормальным, сильно отличаются от тех, которые существовали несколько сотен лет назад. Мы не верим в мантикор или морских чудовищ, для нас морж или панголин не являются чем-то, выходящим за рамки природы. Но во многих других отношениях мы продолжаем создавать чудовищ. Итак, что же монстры, которых мы порождали на протяжении всей истории и все еще порождаем сегодня, говорят о

нас? Эта книга посвящена исследованию ключевой роли чудовищ в человеческом опыте и их влияния на наше становление как личностей. Это (не)естественная история монстров, которая, на самом деле, является историей нас самих⁸⁹.

Животные, рассказывающие истории

Как мы можем понять, каково это – быть человеком много лет назад? Мы можем взглянуть на оставшиеся предметы – развалины зданий, инструменты, оружие и изысканные украшения. Они могут рассказать нам кое-что о том, как люди жили, чем занимались. А истории, пережившие века, дают нам представление о том, как люди этот мир воспринимали. Многие мифы и легенды не нуждаются в «раскопках»: они продолжают жить в нашей памяти, передаваясь от человека к человеку, меняясь с течением времени. Они дают нам возможность заглянуть в умы их создателей – чего не могут физические предметы. Эти истории уходят своими корнями гораздо дальше в прошлое, чем официально зафиксированная история.

Как и многих детей, меня завораживали мифы и легенды

⁸ Понятие «монстр» впервые было выделено благодаря идее *monstare* в «Истории монстров» Улиссе Альдрованди (1642): «Propter admirationem digito monstretur»⁹, по сути, это концепция чуда, побуждающая к указанию на или демонстрации чего-либо. Стоит отметить, что Альдрованди и его современники четко различали отдельных, единичных, монстров и роды или виды чудовищ.

⁹ Из восхищения пальцем показывают (*лат.*) – *Прим. пер.*

Древней Греции, Египта и Скандинавии. Я до сих пор восхищаюсь ими – поверьте, они не только для детей. В них множество сцен, где встречались боги и герои, магия и чудовища. Они связывают воображение людей далекого прошлого с нашим. Некоторые из известных нам сегодня монстров, такие как гидры, сфинксы и драконы, веками жили в этих древних сказаниях. Чудовища всегда казались интереснее сражающих их героев. Их дикая жизнь, полная тайн, подчинялась зову инстинктов и причудливым поворотам судьбы.

Истории сохраняются, потому что они придают миру смысл. Мы, как описал Джонатан Готтшалл в своей книге 2013 года, – «животные-рассказчики»: «Мы физиологически зависим от них; когда тело человека засыпает, мозг продолжает бодрствовать и, по сути, рассказывает сказки самому себе»¹⁰. Сны, мифы, сказки или библейские аллегории – это не просто легкомысленная фантазия. Они используют мир как зеркало, раскрывающее истины об индивидуальном и общечеловеческом характере. Персонажи этих историй воспроизводят субъективные реальности в воображаемом ландшафте. Для нас, глубоко социального вида приматов, общинные мифологии выражают и укрепляют ценности. Таким образом, чудовища из историй являются представлениями того, что общество коллективно отвергает и чего бо-

¹⁰ Джонатан Готтшалл. Как сторителлинг сделал нас людьми [пер. с англ. Н. Крякиной]. – М.: Азбука-Аттикус, 2020.

ится – ничто так не объединяет людей, как общий враг¹¹¹².

Психоаналитик Бруно Беттельхейм описал сказки в книге «О пользе волшебства» (1976): «Если счесть сказки описаниями реальных событий, то они действительно покажутся чем-то абсолютно несуразным, с какой стороны к ним ни подойди. Жестокость, садизм – чего только нет в этих историях! Но если рассматривать сказку как символизацию психических проблем, мы оценим ее правдивость»¹³

¹¹ Готтшалл предлагает «единую теорию сторителлинга» как средства, с помощью которого мы моделируем сложную социальную жизнь и ориентируемся в ней. Он утверждает, что сторителлинг – один из многих видов поведения, развившихся «для обеспечения нашего выживания». В недавней книге Готтшалла «Парадокс истории: как любовь к рассказыванию строит общество и разрушает его» рассматривается темная сторона сторителлинга в современную эпоху социальных сетей, когда истории могут использоваться, чтобы заставить «хороших» людей совершать чудовищные поступки»¹².

¹² Джонатан Готтшалл. Парадокс истории: как любовь к рассказыванию строит общество и разрушает его [пер. с англ. Е. Николаевой]. – М.: АСТ, 2026.

¹³ Бруно Беттельхейм. О пользе волшебства. Смысл и значение английских сказок [пер. с англ. Е. Семёновой]. – М.: МИФ, 2024.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.